

И здесь, в саду, мы впервые услышали о Ленине.

Раздался звонок, мы стали расходиться, спеша на урок. Я подошел к Иосифу, пораженный его резкой критикой взглядов Жордания. Иосиф сообщил мне, что читал статьи Тулина (Ленина), которые ему очень понравились.

— Я во что бы то ни стало должен увидеть его, — сказал он мне тогда.

Эти слова, произнесенные в 1898 году, я напомнил товарищу Сталину при встрече с ним в 1926 году, и он вспомнил этот эпизод.

В. КАМИНСКИЙ, И. ВЕРЕЩАГИН **Детство и юность вождя**

<...>

Одно из крупных крестьянских восстаний произошло в Анануре. Там царские офицеры арестовали 10 повстанцев, среди которых был крестьянин Заза Джугашвили — прадед И. В. Сталина (по линии отца).

Зазе удалось сбежать из-под стражи и скрыться в Горийский уезд, где его взяли в крепостные князя Эристави. Здесь Заза Джугашвили снова поднял среди крестьян восстание. По подавлении восстания Джугашвили бежал в Геристави и некоторое время был там пастухом. Однако местопребывание его было обнаружено, и Зазе пришлось и отсюда скрыться, после чего мы видим его в Диди-Лило.

У Вано Джугашвили (дед И. В. Сталина) родились два сына — Бесо (Виссарион) и Георгий. Вано развел в Диди-Лило виноградники и установил деловые связи с городом, куда нередко водил и своего сына.

После смерти Вано одного из сыновей его — Георгия — убили в Кахетии разбойники, а Бесо (отец И. В. Сталина) поселился в Тифлисе и стал работать на кожевенном заводе Адельханова. Здесь он выдвинулся как прекрасный работник и получил звание мастера.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Когда Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, он выписал из Тифлиса лучших мастеров, в том числе и Бесо Джугашвили.

Бесо скоро стал известным мастером. Большое количество заказов дало ему смелость открыть собственную мастерскую... Друзья решили женить его. Они сосватали ему невесту — Кеке Геладзе.

(По воспоминаниям А. М. Цихитатришвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Екатерина Георгиевна Джугашвили (урожденная Геладзе) родилась в 1856 году в селении Гамбареули, близ города Гори, в семье крепостного крестьянина. До 9 лет Екатерина Георгиевна росла в деревне и вместе со всей семьей испытывала крайнюю нужду и тяжкий гнет помещика.

В 1864 году, после отмены крепостного права, семья Геладзе переселилась из деревни в город Гори.

Отец Екатерины Георгиевны умер рано, и семья осталась на попечении матери. Благодаря заботам матери и братьев Екатерина Георгиевна обучилась грамоте.

В 1874 году 18-летняя Екатерина Георгиевна вышла замуж за Виссариона Ивановича Джугашвили, рабочего фабрики Адельханова в Тбилиси.

(Газета «Заря Востока» № 129 от 8 июня 1937 г.)

Сосо было 5 лет, когда его отец уехал в Тифлис и стал работать на обувной фабрике Адельханова. Кеке со своим маленьким сыном осталась в Гори.

(По воспоминаниям Семена Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Кто в Гори не знал эту живую и трудолюбивую женщину, которая всю свою жизнь проводила в работе? У этой одаренной от природы женщины все спорилось в руках — кройка и шитье, стирка, выпечка хлеба, расчесывание шерсти, уборка и т. п. Некоторые работы она брала сдельно. Она работала также поденно и брала шитье на дом.

(По воспоминаниям Семена Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Мать Сосо — Кеке — была прачкой. Она зарабатывала мало и с трудом воспитывала своего единственного сына Сосо.

После того как Виссарион Джугашвили уехал из Гори, Сосо остался на попечении своей матери. Мать очень любила Сосо и решила отдать его в школу. Судьба улыбнулась Кеке: Сосо приняли в духовное училище. Ввиду тяжелого положения матери и выдающихся способностей ребенка Сосо назначили стипендию: он получал в месяц три рубля. Мать его обслуживала учителей и школу, зарабатывала до десяти рублей в месяц, и этим они жили.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

В конце каждого учебного года Сосо переходил из класса в класс по первому разряду, как первый ученик... Его способности поневоле бросались всем в глаза.

У этого очень одаренного мальчика был приятный высокий голос — дискант. За два года он так хорошо усвоил ноты, что свободно пел по ним. Вскоре он стал уже помогать дирижеру и руководил хором...

В тот период, когда пел Сосо, в хоре набрались хорошие голоса. При этом и я, как молодой дирижер, был заинтересован в том, чтобы показать себя хорошим руководителем. И действительно, хор у меня был поставлен хорошо. Мы исполняли вещи таких композиторов, как Бортнянский, Турчанинов, Чайковский и др.

Сосо хорошо пел в хоре учеников духовного училища. Обычно он исполнял дуэты и соло. Часто заменял регента хора.

(Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Как-то раз, 6 января (в день церковного праздника Крещения. — *Авт.*) на иордань, возле моста через Куру, пришло множество народу. На главной улице были выстроены войска. После церемонии духовенство возвращалось по своим церквям, причем все улицы были переполнены народом. Столпился народ и в узкой улочке около Оконской церкви. Никто и не заметил, что сверху бешено мчится фаэтон с пассажиром...

Фаэтон врезался в толпу как раз в том месте, где стоял наш хор певчих. Сосо хотел было перебежать через улочку, но не

успел: фаэтон налетел на него, ударил дышлом по щеке, сшиб с ног, но... по счастью, колеса переехали лишь по ногам мальчика.

Хор певчих мгновенно окружила толпа. Подняли потерявшего сознание ребенка (Сосо было тогда 10–11 лет) и доставили домой. При виде изувеченного сына мать не смогла сдержать горестного вопля...

Сосо открыл глаза и прошептал: «Не бойся, мама, я чувствую себя хорошо». Мать сразу успокоилась. Пришел доктор, промыл рану, остановил кровотечение, сделал перевязку и затем объявил:

— Внутренние органы не повреждены...

Сосо пролежал в постели две недели, а затем снова вернулся к занятиям.

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

В 1888 году родители определили меня в Горийское духовное училище. В классе я сидел на одной парте с Иосифом Джугашвили. Учился я слабо, и товарищ мой, Сосо, всегда охотно помогал мне.

В нашем классе учились дети богатых и бедняков. Их отношение к нам постепенно обострялось еще и потому, что Сталин, считавшийся в классе первым учеником, был из нашей среды.

Сталин обладал исключительной памятью. Объяснения преподавателей он усваивал отлично и потом в точности их пересказывал.

Он никогда не отказывался от своих слов, будучи всегда уверен в их правильности. Прекрасно отвечал он, когда его вызывали к доске.

...Преподаватель Илуридзе упорно придирался к Иосифу и всегда на уроке старался срезать его, как вожака нашей группы. Он называл нас «детьми нищих и несчастных».

Однажды Илуридзе вызвал Иосифа и спросил:

— Сколько верст от Петербурга до Петергофа?

Сосо ответил правильно. Но преподаватель не согласился с ним. Сосо же настаивал на своем и не уступал.

Упорство его, нежелание отказаться от своих слов страшно возмутили Илуридзе. Он стал угрожать и требовать извинений,

но Иосиф обладал крепким, непримиримым характером и упорством. Он снова несколько раз повторил то же самое, заявляя, что он прав. К нему присоединились некоторые из учеников, и это еще более разозлило преподавателя. Он стал кричать и ругаться. Сталин стоял неподвижно, глаза его так и расширились от гнева...

Он так и не уступил.

(М. Титвинидзе. Страница воспоминаний. Газета «Заря Востока», № 187 от 12 августа 1936 г.)

В духовном училище воспитывались будущие священники, и поэтому им всячески старались привить богобоязнь и смирение.

Однако на Иосифа Джугашвили такая система воспитания не влияла. Ни одной из перечисленных выше добродетелей в нем не было заметно. Несмотря на строгий режим, он был и остался смелым и свободолюбивым мальчиком. В то время как другие ребята в большинстве своем чуть ли не трепетали перед школьным начальством, Иосиф смело подходил к любому преподавателю, говорил с ним о причинах отставания того или иного ученика, о средствах к его исправлению и т. п. Столь же смело обращался он с просьбами за провинившихся учеников к инспектору, к надзирателям.

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

В Горийском духовном училище разрешили ввести часы светского пения, и это надо приписать инициативе Сосо. Помню, как-то раз, по окончании спевки, Сосо обратился ко мне с вопросом, почему рядом с нами, в городском училище, наряду с церковными поют и светские песни, а нам не разрешают.

После некоторого раздумья я ответил, что наша школа — Духовное училище, поэтому мы должны хорошо знать церковное пение, для городского же училища это необязательно.

— Я думаю, — возразил Сосо, — что и мы ничего не потеряем, если хоть иногда будем исполнять народные песни. Попро-сим, может быть, разрешат...

Спустя некоторое время из Тбилиси для производства ревизии в училище приехал преподаватель духовной семинарии. Результатами ревизии он остался доволен.

Очень понравился ему наш хор, в особенности сольное исполнение Сосо. Последний воспользовался этим и шепнул мне, чтобы я поговорил с ревизором о введении в училище светского пения. Я передал ревизору о нашем общем желании, причем и Сосо принял участие в этой беседе.

Ревизор предложил нам подать соответствующее заявление в правление училища и обещал, что поддержит наше ходатайство перед экзархом. Мы так и сделали. Через некоторое время от экзарха было получено разрешение исполнять светские песни и выделить особые часы для занятий учеников гимнастикой. После этого в стенах училища часто можно было слышать грузинские народные песни, исполняемые хором под руководством Сосо: «Чаухтет да чаухтет Бараташвилса», «Курдгеличамоцанцалда», «Вайшенчемотетро бато» и другие.

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Между Виссарионом и Кеке возникли неприятности по вопросу о воспитании сына. Отец был того мнения, что сын должен унаследовать профессию своего отца, а мать придерживалась совершенно иного взгляда.

— Ты хочешь, чтобы мой сын стал митрополитом? Ты никогда не доживешь до этого! Я — сапожник, и мой сын тоже должен стать сапожником, да и все равно будет он сапожником! — так часто говорил Виссарион своей жене.

Несмотря на то что Виссарион жил и работал в Тифлисе, а Кеке с сыном — в Гори, она постоянно беспокоилась:

— А ну как приедет Виссарион да увезет сына и окончательно оторвет его от учебы?

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Виссариону не давала покоя мысль, что его сын ходит в училище и не изучает ремесло. И вот в один прекрасный день в Гори приехал Виссарион и отдал Сосо на фабрику Адельханова.

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Маленький Сосо работал на фабрике: помогал рабочим, мотал нитки, прислуживал старшим.

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Через некоторое время мать, в свою очередь, поехала в Тифлис и увезла сына с фабрики. Некоторые из преподавателей знали о судьбе Сосо и советовали оставить его в Тифлисе. Служители экзарха Грузии предлагали ей то же самое, обещая, что Сосо будет зачислен в хор экзарха, но Кеке и слышать об этом не хотела. Она спешила увезти сына обратно в Гори...

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Ребята в то время зачитывались книгами Ильи Чавчавадзе, Ал. Казбеги и других грузинских писателей.

Одной из партийных кличек Сталин впоследствии избрал себе «Коба» — это имя одного из героев Казбеги.

Любимой книгой горийских школьников была поэма Ильи Чавчавадзе «Разбойник Како». Ребята непосредственно выражали свои чувства, чуть не плакали, когда помещик избивал старика, отца Како, и шумно восторгались, когда Како убивал помещика.

(Б. Ивантер. На родине Сталина, с. 24)

Осенью 1894 года Иосиф Джугашвили блестяще сдал приемные экзамены в Тифлисскую духовную семинарию и был принят в пансион при ней.

(По воспоминаниям С. П. Гоглинидзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Сталин любил художественную литературу, читал Салтыкова-Щедрина — «Господа Головлевы», Гоголя — «Мертвые души», Эркмана-Шатриана — «История одного крестьянина», роман Теккерея «Базар житейской суеты» в двух томах и много других книг. С детства Сталин хорошо знал грузинских писателей, любил Руставели, Илью Чавчавадзе, Вазу Пшавела. Увлекаясь литературой, Сталин в период учебы в Тифлисской семинарии написал несколько стихотворений, которые очень

понравились Илье Чавчавадзе, — достаточно отметить, что они помещались в газете, которую редактировал Чавчавадзе, на первой странице, на видном месте.

(Г. Паркадзе. Из воспоминаний о нелегальных сталинских кружках. «Заря Востока», № 46 от 26 февраля 1939 г.)

В июне — декабре 1895 года на страницах «Иверии» за подписью И. Дж-швили (И. Джугашвили), а затем — Сосело (уменьшительное от имени Иосиф), было напечатано пять стихотворений Сталина. Из них одно является посвящением писателю Рафаэлу Эристави, другое называется — «Луне», а остальные не озаглавлены.

Шестое стихотворение «Старец Ниника» было напечатано в газете «Квали» в июле 1896 года. <...>

...Стихотворения молодого Сталина обратили на себя внимание. В 1901 году грузинский общественный деятель М. Келенджеридзе, составивший пособие по теории словесности, поместил в книге среди лучших образцов грузинской классической литературы стихотворение за подписью — Сосело.

В 1907 году тот же М. Келенджеридзе составил и издал «Грузинскую хрестоматию, или Сборник лучших образцов грузинской словесности» (т. I), в которой на 43-й странице помещено стихотворение Иосифа Сталина, посвященное Р. Эристави.

(Н. Николайшвили. Стихи юного Сталина. Газета «Заря Востока», № 292 от 21 декабря 1939 г.)

«Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из „Дешевой Библиотеки“, книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго „Труженики моря“, где нашел и названный лист.

Пом. инсп. С. Мураховский. Инспектор Семинарии Иеромонах Гермоген».

«Наказать продолжительным карцером — мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги — „93 г.“ В. Гюго».

(Запись (в ноябре 1896 г.) в кондуитном журнале Тифлисской духовной семинарии. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина.)

«В 11 ч. в. мною отобрана у Джугашвили Иосифа книга „Литературное развитие народных рас“ Летурно, взятая им из „Дешевой Библиотеки“; в книге оказался и абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из „Дешевой Библиотеки“ названный ученик замечается уже в 13-й раз. Книга представлена мною о. Инспектору. Пом. Инспектора С. Мураховский».

«По распоряжению о. Ректора — продолжительный карцер и строгое предупреждение».

(Запись (в марте 1897 г.) в кондуитном журнале Тифлисской духовной семинарии. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина)

«Джугашвили Иосиф (V, I,) во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учеников 5-го класса несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражая в своих заявлениях недовольство производящимися время от времени обысками среди учеников семинарии, и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей (С. А. Мураховскому), как последний неоднократно уже заявлял инспекции.

Помощник инспектора А. Ржавенский».

«Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению о. Ректора, на пять часов. И. Д». (Иеромонах Димитрий Абашидзе. — Авт.)

(Запись в кондуитном журнале Тифлисской духовной семинарии за 1898–1899 гг. Экспонат Тбилисского филиала Центрального музея имени В. И. Ленина)

Вспоминается 1898 год. Как-то раз, после обеда, мы, ученики, сидели в Пушкинском сквере, около семинарии.

Вдруг кто-то закричал: «Инспектор Абашидзе производит обыск у Джугашвили!» Я бросился в семинарию, подбежал к гардеробу, находившемуся в нижнем этаже, где хранились наши вещи в закрываемых нами на замок ящиках.

Войдя в гардероб, я увидел, что инспектор Абашидзе уже закончил обыск. Он взломал ящик Сосо, достал оттуда нелегаль-

ные книги и, забрав их под мышку, поднимался на второй этаж здания. Рядом с ним шел Сосо...

Вдруг в это время к инспектору неожиданно подбежал ученик шестого класса Василий Келбакиани и толкнул монаха, чтобы выбить из его рук книги. Это оказалось безуспешным. Тогда Келбакиани набросился на инспектора спереди, и книги тут же посыпались на пол. Сосо и Келбакиани быстро подхватили книги и бросились бежать...

Опешивший инспектор Абашидзе так и остался ни с чем.

(По воспоминаниям П. Талаквадзе. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

Иосиф Джугашвили поступил в Тифлисскую Духовную Семинарию в 1893 году и уже тогда совмещал обучение в духовном заведении с революционной работой. В 1898 году он вступает в тифлисскую организацию РСДРП, и вскоре его исключают из семинарии.

<...>

В списках воспитанников, бывших у исповеди и Св. Причастия на первой неделе Великого Поста 1899 года, его уже нет. Следовательно, публикуемый нами документ нельзя датировать позднее этого года. Этот документ не имеет определенной даты, и мы воспроизводим его текст без изменения орфографии, свойственной автору.

«О. Инспектор!

Я не осмелился бы писать Вам письмо, но долг — избавить Вас от недоразумений на счет неисполнения мною данного Вам слова — возвратиться в семинарию в понедельник — обязывает меня решиться на это.

Вот моя история. Я прибыл в Гори в воскресенье. Оказывается умерший завещал похоронить его вместе с отцом в ближайшей деревне — Свенеты. В понедельник перевезли туда умершего, а во вторник похоронили. Я решил было возвратиться во вторник ночью, но вот обстоятельства, связывающие руки самому сильному в каком бы отношении ни было человеку: так много потерпевшая от холодной судьбы мать умершего со слезами умоляет меня „быть ея сыном хоть на неделю“.

Никак не могу устоять при виде плачущей матери и, надеюсь простете, решился тут остаться, тем более, что в среду отпускаете желающих.

Воспитан. И. Джугашвили».

(Объяснительная записка на имя инспектора семинарии иеромонаха Иоанникия (ГАСО, ф. 1132, оп. 1, ед. хр. 149))

В 1899 году Сосо провел в семинарии всего лишь несколько месяцев. Он ушел из этого училища и целиком перешел на нелегальную работу среди рабочих. <...>

(По воспоминаниям Г. И. Елисабедашвили. Матер. Тбил. фил. ИМЭЛ)

[Воспоминания И. В. Сталина]

Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Я вспоминаю, как я на квартире у Стуруа в присутствии Сильвестра Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Михо Бочоришвили, Нинуа и других передовых рабочих Тифлиса получил уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молокососом. Может быть, я был тогда немного больше начитан. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое, революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлиские рабочие. Позвольте принести им теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность. *(Аплодисменты.)*

Я вспоминаю далее 1905–1907 гг., когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня, как практического борца и одного из практических руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец и другие, с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками — с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил,